

Зашитый язык

Пятница, 3 февраля

Эльза Ласкер-Шюлер тоже живет на Мотцштрассе, где Киш снимает у кого-то комнату. У нее крошечный номер в отеле «Зексисер Хоф». Отсюда недалеко до «Романского кафе» рядом с Мемориальной церковью, ресторана «Шлихтер» или винного погреба «Шваннеке». Эльза Ласкер-Шюлер любит ходить в места, где собираются писатели, художники, издатели, галеристы, актеры. Для нее это убежище от груза реальности. Несколько лет она была бесспорной королевой берлинской богемы: мальчишеский рост, нарочито короткие смоляные волосы, свободные одежды, бархатные пиджаки, стеклянные ожерелья, звенящие браслеты, кольца на каждом пальце. Она напоминала восточную танцовщицу, но взяла себе мужское сказочное имя и благородный титул в придачу — принц Юссуф Фиванский, потому что для нее не существует границ — ни вымышленных, ни классовых, ни гендерных.

Сейчас ей 63, на следующей неделе исполнится 64, и она через многое прошла. Пять лет назад ее сын Поль умер от туберкулеза; даже Фердинанду Зауэрбруху, главному врачу Шарите, не удалось его спасти. Это выбило почву у нее из-под ног. Долгое время она почти ничего не зарабатывала и жила, по ее словам, на 15 пфеннигов в день и задолжала за номер в гостинице.

Но между тем дела снова идут в гору. Она, можно сказать, возвращается. В прошлом году в издательство «Ровольт» у нее вышло две новых книги — стихи и рассказ. Кроме того, она закончила работу над новой пьесой «Артур Аронимус и его отцы» и вместе

с Рихардом Биллингером получила премию Клейста. Сначала она обиделась: ей досталась только половина премии, а значит, и половина денежного приза — 750 рейхсмарок. Но позже она переступила через гордость, спокойно приняла премию и расплатилась с долгами в отеле.

Один из ее бывших любовников, Готфрид Бенн, прислал ей телеграмму с поздравлениями: «Премия Клейста так часто опозоренная теми кто присуждает и получает вновь облагорожена тем что была присуждена вам». Их роман случился 20 лет назад. Тогда, в 1913 году, они были очень неравной парой: ему 26 и он в самом начале своей карьеры; ей 44 и она уже прославилась как центральная фигура немецкого авангарда. Он — неверующий сын пастора с амбициями погасить последнюю искру религиозной надежды в своей литературе, она — внучка раввина, и ее поэзия, как само собой разумеющееся, пропитана верой и глубокой убежденностью в счастливом будущем. Тем не менее, или благодаря этому, их на несколько месяцев связала безумная любовь, «животная страсть», о которой они писали в стихах. «Зубами хватают то, чего жаждут», — писал Бенн, а Ласкер-Шюлер: «Я повсюду ношу тебя с собой / Между зубами». Свое расставание они тоже увековечили стихами: «Я твоя обочина», — настаивала она, а он так же твердо отвечал: «Никому не быть моей обочиной».

Давнее дело. Сегодня Эльза Ласкер-Шюлер пишет своему «министру финансов» Клаусу Гебхарду в Вупперталь. Гебхард — ее близкий друг, производитель шелка и коллекционер искусства. Он помогает ей заключать контракты с издателями: она в этом совсем не разбирается. Иногда Гебхард также отправляет предупреждения издателям, задерживающим выплату гонораров. Вот почему она окрестила его личным министром финансов. Она любит давать новые имена важным для нее людям, тем самым превращая их в существа своего поэтического мира. Например, Бенн для нее — «Гисельхер-варвар» или «Гисельхер-тигр».

Это будет живое письмо, динамичное и бойкое. Это она умеет, так она пишет почти всем. Ее пригласили на чтение в Эльберфельд, ее родину, и она просит Гебхарда договориться о гонораре

размером в 200 рейхсмарок. Она также восхищается «колоссальными усилиями», которые прилагает Театр Шиллера к репетициям премьеры «Артура Аронимуса»: «Великое дело».

Но ни с Гебхардом, ни с кем-либо еще она не делится тем, как обстоят дела на самом деле. Успехи прошлого года имели не только приятные последствия. Она почти полностью исчезла из поля зрения общественности, но премия Клейста вновь привлекла к ней внимание нацистов. Она еврейка, напоминает мечтательный образ с Востока, пишет современные выразительные стихи — все это непростительно в глазах нацистов. Газета «Фёлькишер Беобахтер» негодует: «Дочь какого-то шейха бедуинов получает премию Клейста!» Быстро находят несколько человек, которые то и дело подстерегают ее у отеля, чтобы оскорблять и толкать, пока она не упадет и не распластается по земле. Однажды, в результате одного из таких падений, она так сильно прикусила язык, что пришлось накладывать швы. Поэтесса с зашитым языком.

Не все так просто и с «Артуром Аронимусом». Когда прошлой весной пьеса наконец была готова, на нее набросились великие режиссеры и театральные руководители. Быстрее всех среагировал Густав Хартунг, написав из Дармштадта, как он восхищен и попросит предоставить ему права на премьеру. Она согласилась. Затем объявились и Макс Рейнхардт с желанием поставить пьесу в Немецком театре в Берлине, и Леопольд Йеснер с его «Шаушпильхаусом» на Жандарменмаркт — и оба предложения на лучших сценах страны. Обоим приходится дожидаться показа у Хартунга, а такие звезды, как Рейнхардт и Йеснер, не любят ждать.

Но позавчера Хартунг с тяжелым сердцем написал ей письмо: к сожалению, он вынужден отложить премьеру. В настоящее время он ведет нелегкую борьбу с НСДАП в Дармштадте из-за того, что включил в программу «Святую Иоанну» Брехта, и потому, что в театре якобы работает слишком много евреев. Если в этой ситуации он поставит «Артура Аронимуса», пьесу еврейки, помимо всего прочего затрагивающую конфликты между христианами и евреями, то это будет похоже на открытую провокацию,

а в данный момент он не может себе этого позволить. Он просит проявить терпения.

Поэтому она делает ставку на Театр Шиллера, где Йеснер сейчас репетирует пьесу. Премьеру назначают то на 12 февраля, то на 19 — окончательно еще не решили. В любом случае ее восхищает энергия, с которой Йеснер бросается в работу над спектаклем, который именно сейчас, после прихода Гитлера к власти, может обрести огромное значение. Повествование переносит читателя на 100 лет назад в вестфальскую деревню, где назревает угроза антисемитской резни. Погром удастся предотвратить благодаря совместным усилиям еврейского землевладельца, его харизматичного юного сына Артура Аронимуса и епископа Падерборна. В финальной сцене мудрый епископ демонстративно присутствует на седере Песаха¹ в доме землевладельца и благословляет народ Израиля. В то время как в Германии нацисты все более безудержно ненавидят евреев, Эльза Ласкер-Шюлер прославляет примирение между религиями. Неудивительно, что Йеснер, сам еврей и политически подкованный театральный деятель, обещает ей приложить «колоссальные усилия» к этой постановке.

Вечером Карлу фон Осецкому предстоит произнести речь для «Лиги защиты прав человека». Курт Гроссманн, директор «Лиги», гордится тем, что для этого мероприятия ему предоставили огромный Бетховенский зал — целую часть Берлинской филармонии. Обычно здесь, в окружении роскошных фресок, хрустальных люстр и колонн с лепниной, проходят концерты. Но когда Гроссманн прибывает со своими людьми за полтора часа до начала, двери в зал заперты. Нервничая, он отыскивает администратора в его кабинете, и тот вручает ему письмо от начальника полиции: мероприятие запрещено. Нелепое объяснение: в связи с накаленной политической обстановкой речь Осецкого может раздосадовать

¹ *Седер Песах* — ритуальная трапеза, проводимая в начале еврейской Пасхи.

«иначе настроенных» участников. В предвыборные недели подобным аргументом можно запретить любую речь в любом месте.

Однако отменять мероприятие уже слишком поздно. Не раздумывая, Гроссманн направляет прибывающих посетителей в кафе «Фридигер» на Потсдамской площади, всего в нескольких шагах отсюда. Еще несколько лет назад это кафе называлось «Йюсти», и остается одним из самых популярных в городе. Туда же направляется и Осецкий, но, как объясняет ему вежливый капитан полиции, ему ни при каких обстоятельствах не разрешается выступать с речью. Поэтому Осецкий импровизирует, усаживается за один из столиков и заводит чрезвычайно громкий разговор с друзьями о едином фронте СДПГ и КПГ, который с интересом слушают гости за соседними столиками. Капитан полиции не находит, чем возразить.

Для многих демократов и пацифистов Осецкий за последние годы стал важной фигурой политической ориентации, своего рода героем Республики. В апреле 1929 года в «Вельтбюне» появилась статья, разоблачавшая секретные планы немецких военных по созданию военно-воздушных сил, несмотря на строгий запрет Версальского договора. В результате под суд попали не офицеры рейхсвера, а автор статьи и Осецкий как ответственный редактор. Их обвинили в государственной измене и приговорили к 18 месяцам лишения свободы. Судебный процесс вызвал возмущение у международной общественности, так как Германия подтвердила, что целенаправленно нарушила условия мирного договора.

Многие друзья и политические соратники предостерегали Осецкого, что ему грозит срок, и уговаривали покинуть страну. Но он решил иначе. Не из уважения к суду, а в качестве, как он пишет, «наглядной демонстрации» против несправедливости правосудия, в мае 1932 года он начал отбывать тюремный срок. Он использовал личную свободу в целях политической борьбы. Ряд коллег, писателей и знаменитостей провожали его в тюрьму Тегель, в том числе Альберт Эйнштейн, Эрих Мюзам, Леонгард Франк, Лион Фейхтвангер, Эрнст Толлер и сатирик Александр Рода-Рода. Первый день заключения они превратили в акцию протеста против скандального приговора.

Осецкого досрочно освободили из тюрьмы всего шесть недель назад, по обычной рождественской амнистии Гинденбурга. Сегоднешняя речь будет его первым публичным выступлением после освобождения. Собравшиеся хотят услышать его мнение о новом правительстве Гитлера.

В Аннаберге в Рудных горах перед зданием Фольксхауса национал-социалисты застреливают представителя демократического «Рейхсбаннера»¹.

Во время драки в районе Дуйсбурга Хамборне национал-социалисты наносят коммунисту такие тяжелые ранения, что тот умирает в полицейском участке.

В берлинском районе Моабит национал-социалисты расстреливают 18-летнего юношу, а в Нойкёльне — 21-летнего коммуниста.

¹ «Рейхсбаннер Шварц-Рот-Гольд» (нем. Имперский черно-красно-золотой флаг) — политический и боевой союз под руководством социал-демократов и либералов, противодействующий праворадикальным военизированным организациям (СА, «Стальной шлем» и пр.), а также коммунистам и монархистам. Просуществовал с февраля 1924 по март 1933 года.